

Научная статья

УДК 81'2 + 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-143-155

Особенности перевода названий нормативно-правовых актов с английского языка на русский язык

Светлана Сергеевна Алешко-Ожевская¹,
Ирина Леонидовна Терновская²

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹sv-ozhevskaya@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7613-8562>

²i.l.ternovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1785-8428>

Аннотация

Статья посвящена вопросам перевода названий нормативно-правовых актов английского права – «The Act of Settlement 1701», «The Instrument of Government 1653», «The Act of Supremacy» 1534, 1559, «The Reform Act» 1832, 1867, 1884, «The Test Act» 1673, 1678. Анализ русскоязычных учебников и пособий по истории государства и права зарубежных стран показывает, что их авторы используют прочно закрепившиеся в русском языке и не всегда удачные переводы названий, дают свой зачастую буквальный перевод или стараются избежать упоминания названий актов в тексте. Качественный перевод названий нормативно-правовых актов необходим для лучшего восприятия информации, понимания исторических процессов, формирования фоновых знаний. При переводе важно учитывать многозначный характер многих юридических терминов, смысловое наполнение названий и исторический контекст, связанный с разработкой и принятием этих документов. Различия между правовыми и языковыми системами, обусловленные особенностями исторического и культурного развития, создают трудности в процессе перевода, с которыми не справляются даже самые современные программы автоматизированного перевода, основанные на нейросетях. Чтобы перевод был грамотным, а следовательно, и информационно-познавательная функция реализовывалась в полном объеме, что особенно важно для научных текстов, необходимы фоновые знания как в области юридической науки в целом, так и непосредственно о предмете, т. е. историческом контексте и содержании документа. Отсутствие понимания сути самого нормативно-правового акта приводит к буквальному, а иногда и ошибочному переводу, лишая в итоге весь текст смыслового наполнения. Емкость слов и терминов английского языка зачастую не позволяет подобрать в русском языке равноценный краткий вариант перевода. Описательный перевод с опорой на фоновые знания и с учетом языковых особенностей, а также применение вспомогательных средств, таких как сноски и пояснения, могут способствовать выполнению данной задачи.

Ключевые слова

названия нормативно-правовых актов, фоновые знания, исторический контекст, перевод юридических терминов, машинный перевод

Благодарности

Авторы выражают признательность Татьяне Ильиничне Тарасовой за помощь, советы и моральную поддержку.

Для цитирования

Алешко-Ожевская С. С., Терновская И. Л. Особенности перевода названий нормативно-правовых актов с английского языка на русский язык // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 143–155. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-143-155

Titles of Acts: Translation from English into Russian

Svetlana S. Aleshko-Ozhevskaya¹

Irina L. Ternovskaya²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹sv-ozhevskaya@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7613-8562>

²i.l.ternovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1785-8428>

Abstract

The article examines titles of English acts such as ‘The Act of Settlement 1701’, ‘The Instrument of Government 1653’, ‘The Act of Supremacy; 1534, 1559, ‘The Reform Act’ 1832, 1867, 1884 and ‘The Test Act’ 1673, 1678 and their translation into the Russian language. The analysis of textbooks and manuals on law and state history of foreign countries in the Russian language shows that their authors refer to the titles that have firmly entrenched in the Russian language, even though some of them have been translated incorrectly. Some researchers provide their own mostly word-for-word translation or totally avoid mentioning the titles of acts in the text. At the same time, adequate translation is essential as it allows readers to elicit necessary information and gain extensive and comprehensive knowledge on the subject. The polysemy of legal terms and the underlying historical background make the process of translation into Russian even more complicated. The differences between legal systems and languages due to their unique historical and cultural development cause difficulties in the translation process even for the most advanced machine translation tools based on neural networks. In order for the translation to be accurate, and therefore the cognitive function to be fully performed in academic texts, it is necessary to be familiar with the field of legal science as a whole, to take into account the historical context as well as the background of a particular act. The lack of background knowledge and the inability to grasp the meaning, role and importance of this or that act of Parliament results in word-for-word erroneous translation that in its turn distorts the original meaning of the text. The polysemy of English terms makes it difficult to find the corresponding equivalent term in Russian. Descriptive translation based on background knowledge with due regard for language peculiarities, as well as the use of such tools as footnotes and comments, can contribute to achieving the purpose.

Keywords

titles of acts, background knowledge, history of state and law, translation of legal terms, machine translation tools

Acknowledgements

The authors would like to express their gratitude to Tatiana Tarasova for her help, advice, support and encouragement.

For citation

Aleshko-Ozhevskaya S. S., Ternovskaya I. L. Titles of Acts: Translation from English into Russian. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 143–155. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-143-155

Введение

Переводческая деятельность в эпоху глобализации и непрерывного потока информации на разных языках является важной частью коммуникации в обществе. Разнообразие источников и общий объем передаваемых данных увеличился в разы за последние десятилетия, чему в значительной мере способствовало развитие и большая доступность вспомогательных средств, таких как специализированные словари и программы автоматизированного перевода. В подобных условиях создается ощущение, что роль и значимость профессионального переводчика начинает существенно ослабевать и терять свою актуальность. Однако вопрос о качестве перевода в данных условиях по-прежнему остается немаловажным.

Перевод представляет собой сложный процесс межкультурной коммуникации, включающий преобразование исходного текста с определенным смысловым наполнением, стилистическими, грамматическими и экспрессивными особенностями во вторичный текст на другом языке, обладающий максимальной схожестью или эквивалентностью. Так, О. С. Ахманова определяла перевод как «передачу информации, содержащейся в данном произведении речи средствами другого языка. Отыскание в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу на него не только разнообразной информации, содержащейся в данном

речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному также и по форме (внутренней и внешней), что необходимо в случае художественного текста, а также при передаче на другой язык понятий, не получивших в нем устойчивого выражения» [Ахманова, 1969. С. 316]. При передаче информации с одного языка на другой необходимо также помнить, что каждый язык обладает своими особенностями и является отражением разной исторически обусловленной действительности. Переводчик обязан учитывать не только грамматические, лексические, синтаксические особенности обоих языков, но и обладать фоновыми знаниями, чтобы суметь правильно «распознать» исторические, культурологические и прочие реалии, существующие в одной языковой культуре, и корректно передать их с использованием соответствующих приемов и средств, понятных для восприятия, в другой языковой культуре. Как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, должно быть, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины» [Влахов, Флорин, 1980. С. 5]. Как известно, реалии не имеют точных соответствий в другой культуре, перевести их напрямую на другой язык представляется трудной задачей. Более того, помимо географических названий, исторических фактов, наименований государственных органов, антропонимов и т. п. при переводе необходимо еще учитывать и «ситуативные реалии», т. е. то, «что нужно “читать между строк” и что, тем не менее, выражено или подсказано так или иначе языковыми средствами... характерные иносказания, намеки, аллюзии, все “сказанное” языком жестов и, шире, весь внеязыковый фон» [Там же. С. 15].

Жанрово-стилистическая принадлежность текста оригинала ставит перед переводчиком дополнительные задачи. Целью художественного текста является создание образа, достижение определенного эстетического воздействия на читателя. Задача переводчика состоит в том, чтобы передать образность, национальный колорит и добиться схожего эффекта средствами другого языка, при этом максимально возможная смысловая точность может отойти на второй план. Научный стиль со своей стороны характеризуется логичностью и последовательностью в изложении материала, смысловой определенностью и информативностью. Тексты данного стиля насыщены терминами, как общенаучными, так и узкоспециальными, которые часто являются полисемантическими и реализуют одно из значений в конкретном контексте. Основная цель перевода в таком случае состоит в передаче определенных сведений, терминологически оформленных, которые, как правило, носят узкоспециализированный характер, а от переводчика требуется знание предмета, о котором идет речь, т. е. экстралингвистические знания в той или иной области науки. Применительно к такой области, как юридическая наука, задачи и трудности, с которыми сталкивается переводчик, увеличиваются многократно.

Развитие юридической науки в отдельной стране неразрывно связано с ее историей. Правовое регулирование, существование различных, а иногда и уникальных форм власти и управления, государственного устройства – это результат многовекового особого пути развития народа. История и культура страны неизбежно влияют на правовую систему государства, при этом исторические, лингвокультурологические реалии находят свое отражение в языке права. В конечном итоге каждая правовая система является уникальной, а значит, и язык права в каждой стране уникален. Юридические термины, применяемые в одной правовой культуре, не всегда полностью соответствуют даже на первый взгляд схожим терминам другой правовой культуры. Таким образом, для работы с текстами юридической направленности переводчику необходимо не только владеть юридической терминологией, разбираться в ее структурно-семантических особенностях, но и обладать обширными знаниями в области истории государства и права, понимать особенности функционирования иноязычной правовой системы, находить различия и сходства между составляющими правовых систем, которые так или иначе должны быть отображены в переводе. При этом в некоторых случаях не всегда представляется возможным разграничить правовые термины и реалии, поскольку термины в праве исходного языка могут не иметь эквивалентов в языке перевода, а безэквивалентность зачастую присуща

именно реалиям [Швейцер, 1973. С. 108]. Примером таких размытых границ между реалиями и терминами можно считать названия исторических документов – актов Британского парламента и королевских указов.

Целью данного исследования является выявление основных недостатков существующих переводов на русский язык названий некоторых нормативно-правовых актов, предложение вариантов устранения этих недостатков, а также определение возможностей использования для такого перевода программ, основанных на нейросетях. В задачи работы входит исследование существующих вариантов перевода некоторых названий нормативно-правовых актов, анализ употребления данных переводов в специализированной литературе для студентов юридических вузов, рассмотрение особенностей и тонкостей перевода некоторых правовых терминов и реалий с помощью специализированных толковых словарей и других источников, оценка качества машинных переводов тех же названий.

Наименования нормативно-правовых актов

Первые акты были приняты в Англии еще в XIII в. и именовались по месту их принятия («The Statute of Winchester», «The Statute of Gloucester»). Такие названия являются ярким примером отсутствия границ между реалией (в названии используется топоним) и термином (определения к данным нормативно-правовым актам можно найти в авторитетном юридическом терминологическом словаре «Black's Law Dictionary»). Когда парламент начал заседать в Вестминстере, стали применяться другие способы наименования законодательных актов. Во время царствования королевы Виктории парламент начал давать своим актам укороченные заглавия, которые были призваны отражать его основной предмет и дату вступления в силу. Это значительно облегчило цитирование правовых источников, и данная практика получила официальное признание и распространение даже на те действующие акты, которые были приняты ранее («The Bill of Rights 1689», «The Act of Settlement 1701») [Jenks, 1967. P. 43–44]. Таким образом, в настоящее время у всех актов парламента есть два названия – короткое, например, «The Parliament Act 1911», и полное название, «An Act to make provision with respect to the powers of the House of Lords in relation to those of the House of Commons, and to limit the duration of Parliament».

В учебных пособиях, научных статьях и другой специализированной литературе за основу берется краткое название актов. Например, большинство авторов учебников по истории государства и права зарубежных стран для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция», используют закрепившийся в русском языке перевод кратких названий актов, дают свой перевод, чаще всего буквальный, или избегают упоминания названий в тексте. Такая сложившаяся практика в определенной мере входит в противоречие с заявлениями, подобно тому, которое можно найти в предисловии к учебному пособию А. А. Иванова «История государства и права зарубежных стран»: «...успешное освоение историко-правового материала возможно только в процессе изучения текстов важнейших нормативно-правовых актов, памятников права. Обращение к документальному материалу – важнейшее условие получения научно достоверных исторических знаний...» [Иванов, 2012. С. 4]. В случае отсутствия указания на название акта эта задача становится сложновыполнимой, поскольку обучающиеся получают довольно ограниченную информацию, т. е. информационно-познавательная функция реализуется не в полном объеме.

Проблема, связанная непосредственно с переводом названий нормативно-правовых актов, может быть решена различными способами. Отсутствие образности и языковых средств для создания эмоционально-экспрессивной выразительности обманчиво дает основания полагать, что адекватный перевод в юридическом дискурсе может быть выполнен современными программами автоматизированного перевода, технические возможности которых значительно

возросли за последнее десятилетие. Программы последнего поколения, основанные на нейросетях, несомненно, улучшили качество перевода. В отличие от предыдущих технологий нейронные сети позволяют создавать более сложные вероятностные модели. Они оперируют не отдельными словами и фразами, а целыми предложениями, в результате на выходе получается текст, по словам разработчиков, не уступающий по своему качеству профессиональному (человеческому) переводу. Однако для создания качественного перевода названий нормативно-правовых актов необходимо помимо прочего учитывать многозначный характер многих юридических терминов, смысловое наполнение названий и исторический контекст, связанный с разработкой и принятием этих документов.

The Act of Settlement 1701

Вышеизложенные теоретические выводы подкрепляются практическими примерами, один из которых – «The Act of Settlement 1701». В русскоязычной специализированной литературе он получил название «Акт об устроении», которое за ним прочно закрепилось. Такое название можно найти в учебнике для вузов «История государства и права зарубежных стран» под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой, рекомендованного Министерством общего и профессионального образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» [Крашенинникова, 2010. С. 31], в учебном пособии с таким же названием А. А. Иванова [Иванов, 2012. С. 162] и ряде других. Обоснование такого варианта перевода представляется весьма затруднительным. Во-первых, лексическая основа в данном случае не может служить отправной точкой для перевода, поскольку термин *settlement* является полисемантическим. Согласно юридическому словарю «Black's Law Dictionary», авторитетному источнику в области юридической терминологии, у данного термина восемь значений:

- «1. The conveyance of property — or of interests in property — to provide for one or more beneficiaries, usu. members of the settlor's family, in a way that differs from what the beneficiaries would receive as heirs under the statutes of descent and distribution <in marriage settlements, historically, the wife waived her right to claim dower or to succeed to her husband's property>.
2. An agreement ending a dispute or lawsuit <the parties reached a settlement the day before trial>.
3. Payment, satisfaction, or final adjustment; esp., an adjustment with regard to accounts <settlement of accounts> <the seller shipped the goods after confirming the buyer's settlement of the account>.
4. A fixed time or period for settling accounts or concluding a transaction; CLOSING <the settlement on their new house will be Friday at noon>.
5. Wills & estates. The complete execution of an estate by the executor <the settlement of the estate was long and complex> .
6. The establishment of a legal residence. • This sense was frequently used in poor-relief contexts.
7. A regular or settled place of living; one's dwelling-place or residence.
8. An area of a country newly occupied by those intending to live and work there; a colonized region» [Black's Law Dictionary, 2014].

Для того чтобы установить значение термина *settlement*, необходимо ознакомиться с содержанием акта и историческими предпосылками, связанными с его принятием. Согласно учебному пособию А. А. Иванова, акт был разработан для «ограничения власти короля над правитель-

ством», что позволит «в определенной степени затруднить вмешательство монарха в работу кабинета министров» [Иванов, 2012. С. 162]. Однако большинство весьма надежных источников (www.parliament.uk, www.royal.uk и др.) указывают на то, что целью принятия данного акта было установление порядка престолонаследия, что подтверждается отдельной словарной статьей из Black's Law Dictionary:

«An act of Parliament (12 & 13 Will. 3, ch. 2, 1701) that resolved the question of royal succession unsettled after the Glorious Revolution of 1688. • The question was resolved by **limiting the Crown to Protestant members of the House of Hanover** The Act also provided that the sovereign must be a member of the Church of England, and it established that judges would hold office during good behavior rather than at the will of the sovereign. — Also termed Settlement of the Crown» [Black's Law Dictionary, 2014].

Более того, это подтверждается и полным названием акта – «An Act for the **further Limitation of the Crown** and better securing the Rights and Liberties of the Subject» («Акт о дальнейшем ограничении власти монарха и лучшем обеспечении прав и свобод подданных»). Под *further Limitation of the Crown* прежде всего подразумевается отстранение от английского престола лиц иного вероисповедания, нежели тех, которые принадлежали Англиканской церкви. Соответственно права престолонаследия лишались некоторые королевские особы, которые потенциально могли на него претендовать.

Такой подход к трактовке названия акта объясняется и историческими обстоятельствами, при которых он был принят. У власти на тот момент находился протестантский король Вильгельм III Оранский (William of Orange), у которого не было прямых наследников, а его непосредственной преемницей была сестра его покойной супруги Анна (Anne). В 1700 г. скончался сын Анны, 11-летний герцог Глостерский (Prince William, Duke of Gloucester), и встал вопрос о дальнейшем престолонаследии, поскольку все ближайшие претенденты на престол из рода Стюартов были католиками, что было совершенно неприемлемо для парламента и общества, прочно ассоциировавших католическую веру с абсолютной монархией. Таким образом, необходимость принятия данного акта была очевидна.

Справедливости ради необходимо отметить, что наряду с прочно закрепившимся переводом «Акт об устройении» в некоторых немногочисленных источниках можно встретить и адекватный перевод названия данного акта, в том числе и в упомянутом ранее учебнике под редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой: «Акт об устройении, [...] именуемый также Актом о престолонаследии» [Крашенинникова, 2010. С. 31]. Интересно также сопоставить эти варианты перевода названия акта с переводом, выполненным программами последнего поколения, основанными на нейросетях. Так, большинство из них (Google Translate, Yandex Translate, DeepL) дают следующий вариант перевода – «Акт урегулирования». Таким образом, данные программы не распознают в этом словосочетании название правового источника. Удалось это сделать только программе Bing от Microsoft, которая передала это название как «Акт об урегулировании», при этом лексическая единица *settlement* получила буквальный перевод.

The Instrument of Government 1653

Другой пример подобного небрежного отношения к переводу наименований исторических документов – название первой писаной конституции Англии, принятой в 1653 г., «The Instrument of Government». Энциклопедия Британника так описывает суть данного документа: «...the document that established the English Protectorate and under which Great Britain was governed from December 1653 to May 1657. The first detailed written constitution adopted by a

modern state, the Instrument attempted to provide a legal basis for government after the parliamentary failures in the wake of the English Civil Wars». В вышеупомянутом учебнике по истории государства и права под редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой о данном документе можно прочитать следующее: «Совет офицеров подготовил проект акта о новой временной форме правления, названного “Орудие управления”» [Крашенинникова, 2010. С. 25]. «Орудие управления» является широко распространенным вариантом перевода данного названия на русский язык, который находит отражение во всех специализированных и научно-популярных текстах, посвященных истории Англии XVII века. Очевидно, что данный вариант представляет собой буквальный перевод слов *instrument* и *government* в тех их общеупотребительных значениях, которые регистрируются англо-русскими словарями. Так, в Новом Большом англо-русском словаре под редакцией Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1998. С. 60] для первого значения существительного *instrument* дается следующий перевод: «орудие; инструмент; прибор; аппарат», а перевод термина *government* соответствует третьему значению в том же словаре: «управление, руководство, регулирование». Подобный перевод никоим образом не раскрывает суть содержания документа, более того, само словосочетание «орудие управления» может привести к возникновению ложных коннотаций у непросвещенного читателя, поскольку слово «орудие» в русском языке можно понять и как «техническое приспособление, при помощи которого производится работа или какое-нибудь действие».

Основной причиной подобного некачественного перевода, вероятно, послужил тот факт, что изначально переводчик не сумел «распознать» в словах *instrument* и *government* полисемантические термины из области юридической науки. Различные значения обоих терминов легко найти в толковых юридических словарях. Так, Black's Law Dictionary дает следующие определения к терминам *instrument* и *government*:

«instrument

1. A written legal document that defines rights, duties, entitlements, or liabilities, such as a statute, contract, will, promissory note, or share certificate.

“An ‘instrument’ seems to embrace contracts, deeds, statutes, wills, Orders in Council, orders, warrants, schemes, letters patent, rules, regulations, bye-laws, whether in writing or in print, or partly in both; in fact, any written or printed document that may have to be interpreted by the Courts” Edward Beal, Cardinal Rules of Legal Interpretation 55 (A.E. Randall ed., 3d ed. 1924).

2. Commercial law. An unconditional promise or order to pay a fixed amount of money, with or without interest or other fixed charges described in the promise or order; esp., commercial paper or a security or any other writing that evidences a right to the payment of money and that is not itself a security agreement or lease but that is of a type that in the ordinary course of business is transferred by delivery with any necessary indorsement or assignment. • Under the UCC, a promise or order must meet several other specifically listed requirements to qualify as an instrument. UCC § 3-104(a).

3. A means by which something is achieved, performed, or furthered <an instrument of social equality>».

«government

1. The structure of principles and rules determining how a state or organization is regulated.

2. The sovereign power in a country or state.

3. An organization through which a body of people exercises political authority; the machinery by which sovereign power is expressed <the Canadian government>. • In this sense, the term refers collectively to the political organs of a country regardless of their function or level, and regardless of the subject matter they deal with.

4. The executive branch of the U.S. government.
5. The prosecutors in a given criminal case <the government has objected to the introduction of that evidence>.
6. An academic course devoted to the study of government; political science <Bridges is enrolled in Government 101>» [Black's Law Dictionary, 2014].

При изучении данных словарных статей и исторического контекста, учитывая тот факт, что речь идет о единственной в истории Англии писаной конституции, становится понятным, что в названии «The Instrument of Government» термин *instrument* употреблен в значении «правовой документ». А поскольку данный документ содержал информацию о форме правления и полномочиях основных институтов власти, то второй термин *government* имеет значение «The structure of principles and rules determining how a state or organization is regulated», т. е. может быть переведен как «государственное устройство», что подтверждается и при анализе полного названия документа «The Government of the Commonwealth of England, Scotland and Ireland and the Dominions thereunto belonging». Таким образом, логично предположить, что более точным переводом названия «The Instrument of Government» на русский язык было бы «О государственном устройстве». Термин *instrument* при этом опускается в переводе, поскольку его значение в данном контексте носит обобщенный характер, а в пояснении к словарной статье, раскрывающей суть этого термина, указано, что он используется для обозначения любого документа, который может при необходимости быть истолкован судом.

«An instrument seems to embrace contracts, deeds, statutes, wills, Orders in Council, orders, warrants, schemes, letters patent, rules, regulations, bye-laws, whether in writing or in print, or partly in both; in fact, any written or printed document that may have to be interpreted by the Courts» [Black's Law Dictionary, 2014].

Примечательно, что при наличии краткого исторически укоренившегося перевода («Орудие управления») в сборнике «Законодательство Английской революции 1640–1660 гг.», составленном Н. П. Дмитриевским, полное название документа переведено как «Форма правления государством Англии, Шотландии и Ирландии и владениями, им принадлежащими», где тот же самый термин *government* уже не «управление», а «форма правления», а термин *Commonwealth* вообще опущен и заменен на «государство» [Дмитриевский, 1946. С. 175].

Если перевод названия «The Instrument of Government» вызывает определенные сложности для профессионалов, возникает вопрос относительно того, как с данной задачей справляются автоматизированные программы. Попытки перевода данного названия с помощью электронных переводчиков успехом не увенчались. Варианты переводов, полученные от разных программ, приблизительно одинаковые – от «Инструмент правительства» и «Орудие правления» до «Инструмент государственного управления» или «Правительственный акт». Следует при этом отметить, что каждая программа давала два варианта перевода в зависимости от регистра, но даже исторический вариант «Орудие управления» получен не был.

The Act of Supremacy 1534, 1559

Значительно лучше некоторые программы (Google Translate и Yandex Translate) справились с переводом названия документа «The Act of Supremacy», который известен в специализированных источниках как «Акт о супрематии». Такой перевод приемами транскрипции и транслитерации не формирует представления о содержании документа и не является оправданным, поскольку в русском языке существует достаточное число лексических единиц со схожим значением: превосходство, первенство, господство, главенство, верховенство. Очевидно,

что в очередной раз необходимы фоновые знания для понимания его предмета и предназначения для целей перевода.

Закон, первоначально принятый в 1534 г. во время правления Генриха VIII, окончательно закрепил разрыв Английской Церкви с Римом в ходе реформации. Он провозгласил короля «единственным Верховным главой» (Supreme Head) Англиканской Церкви. Однако закон был отменен во время правления Марии Стюарт (Bloody Mary), которая была ярким приверженцем римско-католической церкви. В 1559 г. Елизавета I провела религиозную реформу, закрепив ее актом с таким же названием. В нем она именовала себя не «Верховным главой», а «Верховным правителем» (Supreme Governor) во всех духовных и церковных делах».

Принимая во внимание вышеизложенные факты, варианты машинного перевода – «Закон о главенстве английского короля над церковью» (Google Translate, Yandex Translate) и «Акт о верховенстве» (Bing, DeepL) – представляются более удачными, хотя вариант перевода, предлагаемый последними, требует пояснения в сноске или иным способом.

The Reform Acts 1832, 1867, 1884

Помимо рассмотренных выше случаев некачественного или неточного перевода названий нормативно-правовых актов в этой сфере существуют и другие сложности переводческого характера, которые можно рассмотреть на примере актов парламента о реформе избирательной системы «The Reform Acts» 1832, 1867, 1884. Принятие актов привело к значительному расширению электората за счет перераспределения избирательных округов, предоставления большего числа мест в парламенте представителям промышленных центров, а также снижения избирательного ценза. Интересно отметить, что помимо укороченного и полного наименования данные акты имеют еще и третий, общераспространенный вариант, под которым они и упоминаются во многих англоязычных источниках, например, на сайте парламента (www.parliament.uk). Так, полное название документа 1832 г. – «An Act to amend the representation of the people in England and Wales», его укороченный вариант – «The Representation of the People Act 1832», при этом в большинстве источников данный акт называют «The Reform Act 1832» или «The Great Reform Act». При таком многообразии наименований в исходном языке возникает путаница с переводом названия данного закона на русский язык. Например, в учебнике по истории государства и права под редакцией доктора юридических наук, профессора Н. А. Крашенинниковой этот закон вполне логично обозначен как «Акт о народном представительстве», что соответствует его укороченному названию на английском языке [Крашенинникова, 2010. С. 36]. Однако в учебнике с аналогичным названием М. Н. Прудникова данный закон назван «Биллем о парламентской реформе», что, на наш взгляд, не отражает сути этого закона [Прудников, 2013. С. 446].

Многочисленные доступные ресурсы сети Интернет предоставляют и иные варианты перевода от «Акта о реформе» до «Избирательной реформы». Интересно, что здесь варианты перевода, используемые русскоязычными интернет-ресурсами, не сильно отличаются от варианта машинного перевода («Закон о реформе»). При этом в учебном пособии по истории государства и права А. А. Иванова название данного акта при описании реформы избирательной системы не упоминается вообще, что, возможно, обусловлено необходимостью сохранить определенный объем текста [Иванов, 2012. С. 164]. Однако с нашей точки зрения, ссылка на тот или иной документ, представляющий большую роль для развития права в Великобритании, заслуживает упоминания особенно для лиц, изучающих право.

The Test Acts 1673, 1678

Избегание прямого наименования актов парламента в русскоязычных источниках можно наблюдать и на примере других законов, а именно «The Test Acts» 1673, 1678. Предположительно такой подход в данном случае обусловлен определенными трудностями перевода термина на русский язык. Словарь юридических терминов «Black's Law Dictionary» определяет «Test Act» следующим образом:

«An English statute that required a person who occupied a public office or position of trust to be a member of the Church of England, to swear the Oath of Supremacy, and to sign a declaration against transubstantiation. 25 Car. 2, ch. 2 (1673)» [Black's Law Dictionary, 2014].

Аналогичное определение дано и в энциклопедии Британника: «in England, Scotland, and Ireland, any law that made a person's eligibility for public office depend upon his profession of the established religion». Закон был принят в разгар так называемого религиозного конфликта между представителями Англиканской церкви и католиками в XVII в. с целью недопущения последних в органы публичной власти.

Полное название данного закона – «An act for preventing dangers which may happen from popish recusants». Укороченное же название закона указывает на необходимость со стороны лица, занимающего государственную должность, пройти определенные процедуры, которые могли бы доказать его принадлежность Англиканской церкви. Как отмечено в словаре «Black's Law Dictionary», требовалось принести присягу на верность монарху как «Верховному правителю во всех духовных и церковных делах» (*to swear the Oath of Supremacy*) и подписать отказ от пресуществления (в православной традиции используется также термин «преложение»), т. е. признания превращения в Таинстве Евхаристии существа хлеба и вина в Тело и Кровь Христа (*to sign a declaration against transubstantiation*). Пресуществление признается в католичестве и отрицается в англиканстве. Энциклопедия Британника описывает эту процедуру как проведение таинства Евхаристии в соответствии с традициями Англиканской церкви – «The form that the test took in England was to make the receiving of Holy Communion according to the rites of the Church of England a condition precedent to the acceptance of office».

Изложенные выше факты помогают понять, насколько емким является термин *test* в этом контексте. Невозможно подобрать всего одно слово или хотя бы словосочетание в русском языке, которое бы полностью раскрыло понятие *test* применительно к названию данного закона, а варианты, предложенные компьютерными программами («акт испытаний», «акт о тестировании») не выдерживают никакой критики. Но и принцип «избегания» упоминания названия закона, встречающегося в различных работах, тоже не является выходом из положения. Ссылка на закон чрезвычайно важна для лиц, изучающих историю и право, она делает текст более информативным и позволяет всем желающим глубже погрузиться в изучение предмета. В подобных случаях, на наш взгляд, наиболее подходящим вариантом при переводе без потери смысла и содержания было бы внесение дополнительной расширенной информации о законе в виде сноски или пояснения в русском тексте. Возможным выходом из положения при переводе данного закона считаем подход, при котором в скобках пишется полное название документа: «Акт о предотвращении угроз, которые могут исходить от папистских отступников», а краткий вариант названия представить описательно: «Акт о подтверждении приверженности Англиканской церкви».

Заключение

Перевод названий исторических документов, очевидно, сопряжен с рядом сложностей. В той или иной культуре могут отсутствовать определенные понятия и реалии, существуют

различия в значениях терминов и их наполнении в исходном языке и языке перевода. Здесь важно учитывать исторический контекст, обладать необходимыми фоновыми знаниями об эпохе, традициях, культуре народа, и, конечно, обязательно иметь представление о содержании документа. Название документа неразрывно связано с его содержанием, поэтому и в языке перевода эту связь необходимо сохранить. Приведенные выше примеры показывают, что отсутствие понимания сути самого нормативно-правового акта хотя бы на минимальном уровне может привести к буквальному, поверхностному, неточному, а иногда и просто ошибочному переводу, в результате которого данная связь разрывается, а получившийся перевод никак не выполняет свою функцию по наполнению текста содержанием. Применение машинного перевода в подобных ситуациях не имеет никакого смысла, поскольку такие программы основываются исключительно на тех значениях слов, которые регистрируются словарями общей лексики, не специализированными терминологическими словарями, а фоновые знания у этих программ отсутствуют.

Анализ существующих вариантов перевода исторических документов на русский язык показывает, что переводчики используют различные методы для достижения поставленной цели. Перевод с помощью транскрипции и транслитерации в подобных случаях не всегда помогает сохранить и передать смысл названия, а получившееся в результате новое название не имеет под собой никакого содержания и наполнения в русском языке. Емкость слов и терминов английского языка зачастую не позволяет подобрать в русском языке равноценный краткий вариант перевода. В подобных случаях название передается описательно. Иногда целесообразно обратиться к полному названию акта парламента, чтобы оценить правильность перевода его краткого варианта. Какой бы метод перевода выбран ни был, всегда необходимо учитывать и особенности русского языка, равно как и стилистические, лексические и лингвокультурологические тонкости и различия между языками. Сноски и пояснения также являются хорошим вспомогательным средством, позволяющим расширить понимание исторического контекста, а также внести соответствующие уточнения к содержанию документа.

Список литературы

- Влахов С. И., Флорин С. П. «Непереводимое» в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
- Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Интерпретативный подход к переводу // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2019. Т. 8. № 5. С. 13–19.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 280 с.
- Jenks E. The Book of English Law. Sixth Edition. John Mixrray (Publishers) Ltd., 1967. 376 p.

Список источников и словарей

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
- Дмитриевский Н. П. Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. [Текст] / Сост. Н. П. Дмитриевский; Акад. наук СССР. Ин-т права. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946 (М.: Образцовая тип.). 382 с.
- Иванов А. А. История государства и права зарубежных стран: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 343 с.
- Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран: учебник в 2 т. / Н. А. Крашенинникова. М.: Норма, 2010. Т. 2. 816 с.
- Матусов Е. Нейронные сети в машинном переводе: статус-кво. URL: <https://sysblok.ru/nlp/nejronnyye-seti-v-mashinnom-perevode-status-kvo/> (дата обращения: 13.07.2022).

- Прудников М. Н.** История государства и права зарубежных стран: Учебник для бакалавров / М. Н. Прудников. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 811 с.
- Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.** Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 2. 832 С.
- Black's Law Dictionary.** By Bryan A. Garner. 10th Edition for the iPhone and iPad. Thomson Reuters, 2014.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia "Instrument of Government". Encyclopedia Britannica, 23 Jun. 2019. URL: <https://www.britannica.com/event/Instrument-of-Government-England-1653>. Accessed 13 July 2022.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia "Test act". Encyclopedia Britannica, 23 Sep. 2019. URL: <https://www.britannica.com/topic/test-act>. Accessed 13 July 2022.

References

- Vlakhov S. I., Florin S. P.** The untranslatable in translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 342 p. (in Russ.)
- Minyar-Beloruicheva A. P., Pokrovskaya M. E.** Interpretative approach to translation. Scientific research and development. Modern communication studies. Vol. 8, № 3. P. 13–19.
- Shveitser A. D.** Translation and Linguistics. Moscow, 1973. 280 p. (in Russ.)
- Jenks E.** The Book of English Law. Sixth Edition. John Mixrray (Publishers) Ltd., 1967. 376 p.

List of Dictionaries and Sources

- Akhmanova O. S.** The Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1969. 607 p. (in Russ.)
- Dmitrievskii N. P.** Laws passed during the English Civil Wars of 1640-1660. Moscow; Leningrad : USSR Academy of Sciences Publ., 1946. 382 p. (in Russ.)
- Ivanov A. A.** The History of State and Law of Foreign Countries: the manual for graduate law students. Moscow: YUNITI-DANA, 2012. 343 p. (in Russ.)
- Krashenninnikova N. A.** The History of State and Law of Foreign Countries: the textbook in 2 volumes. Moscow: Norma, 2010. Vol. 2. 816 p. (in Russ.)
- Matusov E.** Neural networks: status quo. URL: <https://sysblok.ru/nlp/nejronnye-seti-v-mashinnom-perevode-status-kvo/> (in Russ.)
- Prudnikov M. N.** The History of State and Law of Foreign Countries: the textbook for graduate students. 6th edition. Moscow: Yurait Press, 2013. 811 p. (in Russ.)
- Aprsyanyan, YU. D., Mednikova E. H., Petrova A. V. et al.** New English-Russian Dictionary. In 3 volumes Moscow: Russky yazyk publishers. 1998. Vol. 2. 832 p.
- Black's Law Dictionary.** By Bryan A. Garner. 10th Edition for the iPhone and iPad. Thomson Reuters. 2014
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Instrument of Government" Encyclopedia Britannica, 23 Jun. 2019. URL: <https://www.britannica.com/event/Instrument-of-Government-England-1653>. Accessed 13 July 2022.
- Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Test act". Encyclopedia Britannica, 23 Sep. 2019. URL: <https://www.britannica.com/topic/test-act> . Accessed 13 July 2022.

Информация об авторах

Светлана Сергеевна Алешко-Ожевская, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Ирина Леонидовна Терновская, старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Information about the Authors

Svetlana S. Aleshko-Ozhevskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Foreign Languages Department, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Irina L. Ternovskaya, Senior Lecturer, Foreign Languages Department, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 12.03.2023;
одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 19.07.2023*

*The article was submitted 12.03.2023;
approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 19.07.2023*